

КАТАСТРОФА ПРОСТРАНСТВА

Фантастический рассказ
С. КРАСНОВСКОГО

Иллюстрации
Н. КОЧЕРГИНА

Конец XIX и начало XX века ознаменовались целым рядом новых открытий, произведших так называемую «революцию в науке». Успехи астрономии, расширившие мир до множества гигантских скоплений, «галактических систем», с радиусом, вычисляемым от 14 000—60 000 световых лет, содержащими каждая до 100 000 000 солнц, разбросанных на сотни тысяч и миллионы световых лет друг от друга каждая; успехи химии, открывший в атоме микро-космос, мир электронов и протонов; радиоактивный распад вещества, опрокинувший прочность и постоянство химических элементов, и дополнивший эволюционную теорию развития вселенной; наконец, теория относительности Эйнштейна, с ее выводами о кривизне пространства и его замкнутости; «незвклидова геометрия» величайших математиков Лобачевского и Римана, поставившая вопрос о многомерности пространства, и расширявшая горизонты в бесконечные дали новых возможностей и грядущих открытий.

Во вселенной совершаются великие перемены, Геология знает величайшие изменения нашей планеты в прошлом и, надо полагать, в будущем. Астрономы наблюдали гибель целых миров при возгорании новых звезд и образование новых.

Фабула настоящего рассказа затрагивает совершившуюся грандиозную катастрофу самого пространства, в результате которой временная протяженность прошлого пересекает протяженность настоящего, вследствие чего живые существа четвертичной формации Земли появляются в наши дни.

АВТОР.

1.

Причина плохого настроения профессора Брукса.

Мисс Джеральде, высокая, сухопарая дева лет 36, ведущая хозяйство мистера Брукса, профессора физико-математического отделения О-го университета, подавая ему, по обыкновению, ровно в 9 часов вечера стакан крепкого, черного кофе и свежий номер вечерней газеты, могла заметить, что мистер Брукс находится в весьма плохом настроении. Профессор нервно ходил взад и вперед по своему кабинету, бурча себе что-то под нос. Листки чистой бумаги лежали неисписанными на письменном столе. Заметив ее с подносом в руках, резко сказал: «поставьте», и когда мисс Джеральде, пожелав «спокойной ночи», немного задержалась, чтобы перемотаться парю-другую фраз, профессор совсем грубо указал ей рукой на дверь, пробормотав что-то в роде: «идите вы ко всем чертям», на что мисс Джеральде, как благовоспитанной де-

вице и уважающей себя особе, оставалось лишь молча повернуться и уйти.

В глазах мисс Джеральде мистер Брукс всегда был грубым, невоспитанным человеком, но в последнее время он совсем по ее мнению «спятил с ума». Впрочем шедший непрерывно уже вторую неделю дождь и холодный северный ветер также могли играть в этом некоторую роль.

Мнение же самого профессора было на этот счет совершенно иное. Дело в том, что мистер Брукс был уязвлен, ущемлен, оскорблен. То, что происходило теперь в университете, могло бы быть названо скандалом, шокирующим как университет, так и его неотъемлемую часть, самого профессора Брукса.

Но еще хуже было то, что его коллеги, собравшись по науке, вместо того, чтобы вывести суровый приговор и исключить виновника всего случившегося—немца профессора Шнейдерса,—вместо того увлеклись его теориями, гипотезами, т. е. вернее глупыми фантазиями, как на это смотрел сам мистер Брукс.

35 лет он мог гордиться тем, что, занимая кафедру математики и физики, вел преподавание так, что вечные, неизблемые постулаты, непоколебимые, установленные раз навсегда фундаменты науки оставались неизменными. Вместо этого какой-то молокосос, выскочка из молодых ученых, даже не англичанин, имел смелость дерзнуть кощунственно посягать на святое-святых всего здания науки. Теория Эйнштейна следовала за математикой Лобачевского, Римана и Минковского, в явления физики, химии, электричества и магнетизма вторглось 4-х мерное пространство, 4-е измерение¹.

Вместо неизменяемой материи, лежащей в мире трех измерений, т. е. в пространстве, и течения ее во времени или «становления», проповедывалось о «бытии» вещей во времени и пространстве. Какая чепуха!.. И профессор нервным глотком выпил кофе, взял газету, перешел в спальню, разделся и лег в постель.

Профессор всегда перед сном читал. Развернув печатный лист и ознакомившись с новостями дня, мистер Брукс хотел уже выключить свет, как вдруг его внимание привлекла следующая, напечатанная жирным курсивом —

2.

Заметка в вечернем выпуске «Нашей Газеты». — Необычайные происшествия на ферме мистрисс Хоу.

«Наш собственный корреспондент из округа графства В. сообщает о следующих необычайных событиях, происшедших с 13 го по 29-ое с/м и имевших место на ферме мистрисс Хоу. Мистрисс Хоу, — вдова неизвестного подполковника Хоу, служившего в колониальных войсках в Африке, участвовавшего в войне с бурами и убитого в стычке с туземцами при местечке Т. По смерти мужа мистрисс Хоу помимо пенсии получила, согласно оставленному и заверенному в нотариальном порядке завещанию, около тысячи фунтов стерлингов. На эти деньги она приобрела у отъезжающих в Австралию бывших владельцев Г. ферму, на которой и поселилась, занявшись разведением домашней птицы и свиней. Дела ее шли хорошо, как вдруг необычайное событие, происходящее на ее ферме, всполошило весь округ, лишив ее духовного спокойствия. В воскресенье 13-го числа, мистрисс Хоу возвращалась из церкви в некотором раздумье, вполне понятном после проповеди пастора Л., известного своим красноречием, и приближалась к своему дому, устремив свой взгляд на небо. Сначала она ничего не видела, кроме неба, навешанного словами Л., но постепенно ее внимание извлекли при-

звлекать какие-то точки, линии, очертания, появляющиеся на голубом небе. Мистрисс Хоу протерла неоднократно свои глаза, — как она потом рассказывала, — но явление не пропадало. В религиозном экстазе не видит ли она перед собою предвозвещенных пастором ангелов? Она в умилении хотела опуститься на колени, как внезапно сверху посыпался целый град птиц. По роду птиц мистрисс Хоу назвать затрудняется, но говорит, что это были весьма крупные, большие экземпляры. Птицы имели вид откормленный и сильный, но вместе с тем казались как бы чем-то чрезвычайно издуганными и ошеломленными, так что без труда дали собрать себя. Вместе с работником мистрисс Хоу притащила их на ферму; всего оказалось девятнадцать штук, но водворить их вместе с другой птицей не удалось потому, что, опомнившись, они оказались весьма злобными и чуть было не причинили убытка ферме, перебив часть индюшек и гусей.

В следующие дни ничего особенного не происходило за исключением, как мистрисс Хоу казалось, появляющихся на небе весьма странных очертаний. Впрочем, небо было не совсем ясно и рассмотреть что-либо было невозможно. Никому о происшедшем мистрисс Хоу ничего не рассказывала, боясь недоверия, а с другой стороны, — вздорных слухов; к тому же новоявленной птице пришлось все-таки свернуть шею за ее чрезвычайно дикий и злобный нрав и, следовательно, доказательств никаких не было. О падении же птицы с неба мистрисс Хоу читала неоднократно в разделе «Смесь» воскресных журналов, как о действии особых смерчей и ураганов, захватывающих ее из других мест. Но в следующее воскресенье явление повторилось опять, при чем выпало около шестидесяти штук, и затем начало повторяться ежедневно с определенной последовательностью: с часа дня приблизительно в небе показывались смутные очертания чего-то весьма странного, и дело оканчивалось выпадением птиц. Их выпадало от 5—17 штук. На какой высоте виднелись фигуры, мистрисс Хоу не могла рассказать, так как казалось, что это было и чрезвычайно далеко, и в то же время близко. Но в четверг, 24-го, явление приняло иной характер. В этот день стоял сильный туман. Мистрисс Хоу приходилось неоднократно выходить из дому, и ей казалось, что вокруг происходит что-то странное. Туман принимал удивительные формы и порой ей казалось, что она видит не то целый иной мир, не то обломки хаотически перемешанных скал, чудовищ, живых существ и неодушевленных предметов. Последние, казалось, готовы были принять материальную форму и появиться реальными перед мистрисс Хоу. Но в час дня неожиданно перед ней из тумана выпрыгнул не то кабан, не то ведрь огромных размеров, и со сверкающими глазами и с ревом, пошатываясь, промчался мимо ошеломленной, присевшей от ужаса мистрисс

¹ Лобачевский Николай Иванович, великий математик, один из творцов неевклидовой геометрии (1793—1856). — Минковский (Minkovsky) Герман, выдающийся математик (1864—1909) дал смелую математическую формулировку принципу относительности (работа Raum und Zeit). Был профессором в Бонне, Кенигсберге, Цюрихе и Геттингене.

Хоу. Еще живая от страха, она добралась до фермы, где заперлась и просидела вместе с работником, дрожа от страха. По словам мистрисс Хоу, ее ферму осаждали тысячи ужасных зверей, и лишь следующее утро и ветер, разогнавший туман, позволили отправиться в местечко. Ее вид достаточно свидетельствовал о перенесенном ею. Но все же только с большим трудом ей удалось убедить нескольких, в том числе пастора и местного судью, отправиться к ней на ферму. Туман рассеялся, выпадения птицы также не происходило, но, по словам отправившихся, действительно на фоне неба вырисовывались чрезвычайно удивительные очертания. В рассказе же мистрисс Хоу, как женщины солидной и всеми уважаемой, сомневаться не приходилось, тем более, что в двух фермах были найдены растерзанными овца и корова с распоротым животом. Диких животных в округе графства В. не водилось.

После совещания решено было сообщить в Лондон для затребования специальной комиссии по расследованию, прибытие коей ожидается со дня на день.

Примечание от редакции. Ферма мистрисс Хоу находится в вышеупомянутом округе графства В., в 25 милях расстояния от нашего города.

Примечание от редакции. Несмотря на всю необычайность событий, сообщаемых нашим корреспондентом, мы вполне отвечаем за всю правдивость сообщаемого. Остается допустить, что мы имеем дело с каким-то чрезвычайно загадочным феноменом природы. Со своей стороны питаем надежду, что разгадка не заставит себя ждать и последует в ближайшее время.

Профессор Брукс дочитал до конца, скептически сложил газету и, пробормотав «что за чепуха», зевнул несколько раз, выключил электричество, повернулся на бок и заснул.

Внезапно сверху посыпался целый град птиц..

3.

Небывалый каталог цен на битую птицу.

Мистер Брукс хорошо выспался. Ему снился посрамленный и уничиженный немец Шнейдерс. В 9 часов, покончив с завтраком и обдумывая разгром в сегодняшней лекции своего противника, профессор собирался уже уходить, как перед ним предстала мисс Джеральдс с взволнованным видом, который несколько озадачил профессора.

— Послушайте только, мистер Брукс, на один шиллинг — дюжина, только по одному шиллингу дюжина! — и лицо ее выражало красноречиво предел всякому недоумению и негодованию. — Да где же это видано, чтобы битую птицу продавали дюжинами, да еще по одному шиллингу... Иду я это с рынка, где купила, что надо, как вдруг, подходя к дому, вижу: стоит наш поставщик овощей. Я спрашиваю, что есть у него хорошего из зелени? А он мне: «из зелени ничего, мисс Джеральдс, нет, а вот гусей, индюшек, уток у меня целый воз, да еще воз стоит у гостиницы». «Как, говорю, вы вздумали торговать теперь птицей?». А он в смущении отвечает: «Приходится». «То есть, как это приходится?». «Да, так, говорит, досталась случайно дешево большая партия». «А ну-ка, посмотрим!» Вижу птица крупная, откормленная, только вид какой-то у нее странный, индейка не индейка, гусь не гусь — «Видно привозное, здесь такую не разводят». «Да, так оно и есть». «Почем?». «Собственно — я немного уже опоздал, приехал-то поздно, базар кончился, да теперь думаю, куда бы все продать, а то бы я дешево продал». «А ну, как?». «Да 10 пенни штука!». Вижу, что совсем задаром, в такое время особенно, когда птица начинает нестись, наши ее не бьют и на базаре ее мало. Однако, из-за принципа, стала еще торговаться. А парень сразу и спустил цену до 5 пенни. Мне-то, собственно говоря, птица не была нужна, все что надо я уже купила, да вижу, что очень дешево, можно и про запас взять пару-другую... а он и отвечает: «Так возьмите дюжинки две, тогда я за дюжину возьму по два шиллинга»². Совсем что то несусызное, ведь такую птицу не то что перепродавать, а и купить-то партии не найдешь. Думаю: пьян он. Опомнится после, придет назад требовать, а я до скандалов не охоча. Да и у пьяного покупать не буду. Ну, и изругала его, как следовало; говорю — «пойди, пропись сначала, а потом продавай». Знаю, женатый человек, вот тебе жена задаст, как все деньги проторгуешь». А он взбеленился совсем: «Не хотите и не надо, вовсе я и не пьян», тронул воз, «не хотите за два шиллинга покупать, так за эту цену и две дюжины другому отдам».

¹ Пенни — 4 копейки.

² Шиллинг — 46 коп.-ек.

И мисс Джеральдс, проговорив все это без передышки и закатив глаза в потолок, демонстративно развела руками.

— Мисс Джеральдс, хотя все это и странно, но я вам неоднократно уже замечал, чтобы вы с вашим хозяйством и всеми вопросами, к нему относящимися, ко мне не обращались! И не мешайте мне... И профессор, нахлобучив цилиндр на глаза, вышел из дому, оставив экономку одну.

4.

Мнение зоолога Римма о породе птиц из «Лавки свежей дичи».

Профессору сегодня положительно везло. Прежде пустовавшая аудитория теперь была полна. Студенты, привлеченные выпадами профессора против его врага, немца Шнейдерса, с хохотом и хлопками одобрения встречали каждое ядовитое замечание. В 12 часов мистер Брукс покинул университет для доклада в «Обществе изучения физических и естественных наук», где, пользуясь отсутствием противника, с успехом провел свой доклад «о незыблемости физических принципов». Потом, в превосходном настроении возвращаясь домой с одним из немногих коллег, с которым он был дружен, зоологом Риммом, для которого были безразличны как старые, так и новые течения в физике, благосклонно выслушивал воззрения Римма на фауну ледникового периода. Его гордостью был его научный труд — исследование о птицах четверичной эпохи.

По дороге зоолог вспомнил наказ жены купить гуся для следующего дня. Это заставило его погрузиться в целую сеть глубокомысленных рассуждений об отличии анатомического строения, оперения и т. п. Anseridae, или гусей времени оледенения земли, от современного нам вида. Порывавшись с витриной лавки свежей дичи, профессора зашли в нее.

Хозяин, знаящий хорошо покупателей, предложил любезно «на выбор». Но едва зоолог взял первого висевшего гуся, как с видом необычайного изумления застыл на месте. Профессор поблелел, затем покраснел. Лицо у него выражало полнейшее недоумение и растерянность. Наконец, он вынул платок, вытер пот, выступивший каплями на лбу, поправил съехавшие очки и, прищурив глаза, неестественно сдавленным голосом произнес, обращаясь к хозяину: «Мистер, послушайте, будьте добры сказать, сколько лет этой птице, т. е., извините, — конечно, — это чучело из перьев... к чему вы держите эту древность... позвольте узнать, из какого музея вы приобрели этот удивительный экземпляр».

По мере того, как он это произносил, хозяин постепенно приходил в величайшее негодование, принимая все за насмешку: «Мистер Римм, я думаю, вы меня очень хорошо знаете, и полагаю, с хорошей стороны, как добросовестного продавца; я думаю, что это может подтвердить и мистер Брукс, как и все мои остальные покупа-

тели. К чему же такие слова?.. Если вам не нравится, то можете не брать, лучше ни у кого не найдете. А таких слов я еще ни от кого не слышал. Этакая крупная, жирная, упитанная птица, да «чучело из музея». Вы понюхайте только, совершенно свежий товар, а вы: «сколько тысяч лет, как убита?» Ну, мистер Римм, и обидели вы меня, выбор большой, смотрите любую.

Зоолог снял очки, тщательно протер их и глаза отвел в сторону, вновь посмотрел со вниманием на гуся, лежащего перед ним, потрогал нерешительно его кончиком пальца, как-будто он сомневался, что перед ним нечто реальное, затем проговорил: «я очень извиняюсь перед вами, я не так выразился, вы меня не поняли, я хочу знать, не можете ли вы мне сказать, откуда у вас эта птица, где вы купили или достали эту птицу?.. Это прямо удивительно, — прибавил он затем вполголоса, — но не может же быть, не может же быть!».

— Если вы хотите знать, где я ее достал, то домашнюю птицу я покупаю у здешних фермеров, ну, а другая идет из Лондона, привозная. Что же касается именно этой, ее мне продал сегодня один крестьянин-фермер. По правде сказать, чужак большой он, раньше овощами торговал, теперь взялся не за свое дело. Привез целых два воза, когда базар кончился, хранил где-то... он птица немного был, навеселе, ну, и уступил цену... — на этом месте хозяин вежливо замолк. — Ну, раз деньги получил, все остальное меня не касается. И что птица, по виду, не здешняя, действительно. Здесь такой не разводят, надо полагать, привозная издадека... но за свежесть только я ручаюсь. Сегодня у меня все берут нахрап, да хвалят!..

Зоолог Римм повернулся неожиданно к профессору Бруксу и многозначительно произнес: — «это... это непостижимо! Я или ничего не понимаю совершенно в зоологии, или схожу с ума! Этот гусь принадлежит к виду, жившему в эпоху начала оледенения земли, т. е. 500 тысяч лет назад по самым скромным подсчетам, и безвозвратно исчезнувшему... я решительно ничего не понимаю!!!»

Мистер Брукс окинул скептическим взглядом зоолога, взял осторожно своего коллегу под руку, повел ошеломленного профессора к выходу и, обращаясь к хозяину и многозначительно указывая на зоолога, похлопал себя по лбу.

— Дорогой мистер Римм, позвольте я вас провожу до дому. Повидимому, вы сегодня чересчур переутомились. Ваши усиленные занятия сильно расшатали вашу нервную систему. Я вам давно советовал взять отпуск. Выпейте сегодня порцию брома и очень, очень не мешает показаться врачу. За вами уже давно наблюдались, извините меня, ряд странностей.

И, не взирая на сопротивление зоолога, Брукс довел его до дому, позвонил и передал на руки супруге.

5.

Рассказ фермера Джильбертса.

Вслед за свихнувшимся зоологом дома ждал профессора новый сюрприз. (Была еще только середина дня, и мистер Брукс не думал, что это только начало того, что ему преподнесет дальнейшее).

У входа стояла лошадь в деревенской запряжке. На звонок никто не отвечал. Когда, наконец, Брукс с силой принялся стучать кулаками и рванул дверь, она свободно подалась, оказавшись незапертой.

Это было верхом забывчивости, рассеянности, халатности, небрежного отношения к своим обязанностям со стороны экономки, мисс Джеральдс.

Собираясь по этому поводу прочесть длинную нотадию, профессор как был, в пальто и галосах, прошел в столовую, где надеялся застать мисс Джеральдс. Навстречу ему слышался мужской голос, что то повествующий, чередовавшийся с восклицаниями: «ох, ой, да что же это такое, наконец!», — самой экономки профессора.

Увидя профессора, экономка вместо того, чтобы вспомнить свои обязанности или представить гостя, устремила на Брукса бессмысленный, непонимающий взгляд.

Молодой человек, по виду крестьянин, как он оказался и на самом деле, поспешил представиться сам. Это был племянник экономки, фермер Джеральдс. Профессор уже ранее слышал о нем.

Фермер Джеральдс поспешил сообщить сущность события, уже отчасти известного читателям из вечерней газеты и из эпизода с продажей дичи.

— Видите ли, мистер Брукс, меня послал в О—д пастор Л., более было некому, а я как раз попался ему на глаза. Лошадь у меня хорошая, «катай, говорит, живей», да просил еще письмо передать. А по дороге я заехал к моей тетушке и к вам. Вам судья просил поклон передать, а письмо я сейчас отвезу.

Чудные дела у нас творятся... вот сегодня от нас парень с дичью приехал... Такая небывальщина, что просто ужас...

Только вчера еще сказывал судья, пошло много жалоб от крестьян, что во всем округе появилось, — откуда и принесло — прямо чудо, — множество диких зверей. Там пропадают у одних домашняя птица, где растащены запасы зерна какими-то неведомыми зверками-грызунами, у других убиты овцы, у тех свиньи, и все в том же роде. Вот он написал письмо к местному синдикату, просит как бы поступить ему, а меня просил осветить. Да еще и вам поклон, мистер Брукс, передать.

Профессор проницательно выслушал весь рассказ и, обращаясь к своей экономке, сказал: «А вы все таки будьте добры в следующий раз, мисс Джеральдс, запирайте входную дверь за посетителями, когда они у вас бывают, и спускаться на звонок, не задерживаясь здесь различными деревенскими баснями!».

6.

События разрастаются.

Но величине Ок—д принадлежал к числу небольших городков. Это было не более, как одно из местечек, ставшее или, вернее, выбранное для местного провинциального административного центра. За исключением студенчества, вынужденного в нем пребывать по местонахождению своего высшего учебного заведения, население его, за немногим исключением, состояло из тех же осевших бывших фермеров, выбравших ту или иную из немногочисленных профессий маленького города, затем профессуры, и местной администрации. Каждый гражданин мог почти наперыка перечислить, не рискуя обмануться, всех более или менее уважаемых жителей.

Однако, Ок—д не был чужд социальных течений, партий, слоев общества. Ряд лиц замыкался в группы, где каждый входящий чувствовал себя на равной ноге с другими не крайней мере по убеждению и взглядам. Часто отдельные группы вступали между собой в ожесточенные споры и диспуты по вопросам подчас самого странного характера и свойства.

Так было и в данном случае. Стоило профессору немцу Шнейдерсу начать проповедь теории Эйнштейна, как это послужило к образованию вокруг него группы, включившей вскоре и целый ряд других вопросов, совсем к науке не относящихся.

Профессор Брукс не нашел ничего лучшего, как перейти к другой группе, и так как выбор лиц, с которыми можно было вести духовное общение, был весьма ограничен, то ему остались лишь синдик, судья, нотариус, начальник полиции и прочие, главным образом из администрации города, не прикнувшиеся к «немецкому» блоку.

В четвертом часу, пообедав, профессор расположился на отдых в кресле с сигарой во рту, когда мисс Джеральдс доложила о приходе городского головы и мистера Кобса, начальника местной полиции. Синдик держал в руке письмо, привезенное Джеральдсом, и был явно взволнован.

— Что вы думаете по поводу всего этого?—задал вопрос начальник полиции.

— Что я думаю насчет всей этой чепухи, басни деревенских духов, галиматии, соболенной корреспонденции для развлечения таких же городских болванов?—профессор весь покраснел от негодования,—я думаю, что это чепуха, чепуха с самого начала и до конца!

Но не можете же вы игнорировать самые факты, сообщаемые мистером Джонсоном, судьей из Т. Насколько я знаю, это вполне порядочный, добросовестный человек,—заметил синдик.

— Факты, сообщаемые судьей! Ваш судья такой же идиот и олух, как и все прочие!

— Но не может же быть, чтобы здесь не было никакого правдоподобия.

— С самого начала и до конца здесь нет ни капли правды!

— Хорошо! Но чем тогда объяснить самый факт появления птиц на ферме мистрисс Хоу, затем вблизи фермы огородника Г., наконец, целый ряд появлений множества птиц, зверьков, среди которых есть и хищные,—задал вопрос Кобс.

— Чем объяснить! Скажите, неужели вы для объяснения столь простых явлений должны заражаться галлюцинациями какой-то истерички Хоу. Разве вам не известно, что очень не редко временами происходят от различных причин, не всегда могущих быть установленными, целые переселения животного мира...

— Положим, что все это так, но как объяснить выпадение птиц, усеявших собой целую площадь земли на ферме Г.

— Но почему же, раз теперь вы трезво стали смотреть на вещи, не можете видеть, здесь просто падения ослабленных, изголодавшихся птиц из стаи.

— ...Гм, это как то не соответствует действительности, птица, судя по сообщению, имела вид чрезвычайно сильный и откормленный!—вставил синдик.

— Слушайте, я вам категорически, понимаєте,—категорически заявляю, что я не признаю, не хочу признать возможность чего либо неестественного, абсурдного! Не хотите ли уж вы, мистер Джонсон и мистер Кобс, признать здесь нечистую силу вместе с мистрисс Хоу?!

— Хорошо, хорошо, мистер Брукс,—замал разговор сконфуженный полицейский, но не считаете ли вы нужным дать знать в Лондон по начальству?

— Я не считаю не только нужным, но считаю, что они бы подняли зас на смех.

— Да, кажется, вы правы, я могу себя этим скомпрометировать перед начальством.

— Не беспокойтесь, мистер Кобс, судя по тому, что сообщает «Наша Газета», это в местечке Т. уже сделали и сообщили в Лондон. Я думаю, теперь у центральной прессы не мало будет материала посягать на местными простофилями. Во всяком случае, что касается реальных мероприятий против появления множества вредных зверей и т. п., следует обойтись своими силами и передать это нашему «Обществу Любителей Охоты».

Вечерний выпуск «Нашей Газеты» не содержал в себе ничего более интересного, кроме сообщений собственного корреспондента из округа графства В. и целого ряда писем в редакцию от местных фермеров о небывалом появлении множества самой разнообразной дичи, при чем везде резко отмечалось, что на ряду с мелкими зверьками и птицами появлялись также неизвестные крупные хищники.

Но следующий выпуск газеты содержал следующее сообщение, заставившее профессора почти подпрыгнуть на месте от изумления.

СЕНСАЦИОННОЕ ОТКРЫТИЕ.

«Нашим уважаемым согражданином, доктором естественных наук, профессором Ок-го университета зоологом Римм, известным в науч-

ном мире своим первоклассным трудом «О птицах четверичной эры», при нескольких странных обстоятельствах, о которых скажем ниже, обнаружен существующим в окрестностях Ок-да новый вид *Anseridae* т. е. гуся, считавшийся давно вымершим, и принадлежащий к распространённому в эпоху оледенения Земли.

Некоторыми научными педантами (От редакции: к сожалению, еще занимающими профессорские кафедры в нашем знаменитом университете, врагами ученого профессора и между прочим общепринятой теперь повсюду теории Эйнштейна) высказаны были сомнения (Замечание от редакции: Не наоборот ли?) насчет умственных способностей ставшего отныне знаменитым проф. Римма.

Упавшее с дерева яблоко позволило Ньютоном высказаться о бессмертном законе всемирного тяготения, кипящий чайник дал Уатту идею паровой машины, качающаяся лампада в соборе навела Галилея на мысль о законе маятника. В данном случае, почтенный зоолог, будучи добропорядочным семьянином и покупая по просьбе жены к обеду гуся в лавке, торгующей птицей, к несказанному своему удивлению и обнаружил новооткрытый вид.

В беседе с нашим сотрудником, который был любезно принят зоологом, последний сказал, что намерен дать (Замечание от редакции: какое редкое благородство и бескорыстие!) новооткрытому виду имя нашего города и тем самым сделать О-д бессмертным, увековечив его в мировой науке.

От „Нашей Газеты“ первые приносим скромное поздравление славному деятелю знания, уважаемому профессору нашего университета и гражданину города Ок-да зоологу Римм! Да здравствует зоолог Римм! Да здравствует новооткрытый вид гуся имени города Ок-да! Да здравствуют граждане города Ок-да и читатели и подписчики нашей газеты! Долой наших врагов, противников теории Эйнштейна, консерваторов в науке.»

Статья была, повидимому, написана если не самим профессором Шнейдерсом, то, во всяком случае, кем-то из его близких сотрудников.

Профессор в бешенстве смял газету и провел всю ночь, проворочавшись на постели, без сна.

7.

„О-во Любителей Охоты“.

После университета гордостью Ок-да было «О-во Любителей Охоты».

Туда входили самые уважаемые и почетные лица: местный судья, нотариус С., викарый городского собора Д., директор местного учебного заведения, школьный учитель математики, хозяин одной из двух гостиниц, профессор истории древней Греции и прочие самые именитые лица города.

Было весьма жаль, что студенты разъезжались летом на вакации, иначе означенное

об-во пополнилось бы множеством отважных молодых людей.

Мы забыли упомянуть о самом главном члене, знаменитом мистере Дэвис-Дохерти, председателе названного учреждения. Высокий, жилистый, военной выправки человек, в сапогах выше колен, во френче защитного цвета, всегда тщательно выбритый, в тропическом шлеме, повязанном белой кисеей, и в дымчатых очках от солнечных лучей (несмотря на туманный английский климат), он производил непередаваемое впечатление, когда принимался рассказывать о своих приключениях в Индии, в его бытность там на службе, когда он собственноручно убил на охоте, устроенной индусским раджей, тигра. Шкура его, великолепного бенгальского тигра, была разложена в приемном зале названного об-ва, где устраивались торжественные обеды; она демонстрировалась наиболее уважаемым посетителям.

Обыкновенно, каждый раз, когда Дэвис-Дохерти начинал рассказывать свои приключения, он принимался уснащать их все новыми и новыми подробностями своей неисчерпаемой фантазии, так что жителям О-да никогда не надоедало их выслушивать в многосотый раз.

Второй достопримечательностью О-ва любителей охоты была громадная охотничья библиотека, вмещавшая более шести тысяч экземпляров по всем вопросам охоты. Переплетенные в роскошные переплеты, выставленные стройными рядами за зеркальными стеклами, книги производили внушительное впечатление на всякого, даже презренного из Лондона.

Третьим и последним «гвоздем» была удивительная коллекция охотничьего оружия, из за которой многие даже специально делали крюк, чтобы ее осмотреть. Она была составлена из разного рода охотничьего оружия, начиная от лука и копья индейца, рогатины русского зверолова, духового ружья кафра, стреляющего отравленными стрелами, бумеранга австралийца и кончая китайской пушкой и современной дальнобойной винтовкой для стрельбы разрывными пулями по слонам и крокодилам. Экспонаты были тщательно занумерованы, в отличном порядке развешаны по стенам и снабжены примечаниями, поясняющими значение их и употребление.

Каждую неделю по пятницам, не считая особых, так называемых, охотничьих банкетов, члены Об-ва, числом 18 человек, собирались в главном зале, уставленном набитыми чучелами птиц и зверей, и располагались на разостланных шкурах, все в охотничьих костюмах, увешенные оружием. Специальный повар готовил охотничьи блюда. Ели из походных столовых приборов, запивая вином из охотничьих фляжек.

Тут велись нескончаемые охотничьи рассказы, повести и споры на специальные темы, затягивающиеся далеко за полночь.

В день св. Петра, этот избранный день охотников всего мира, все члены общества отправлялись на охоту. Это было днем

торжества и для города. Впереди ехал оркестр музыки и, когда охотничьи группы в 3-5 человек проезжали по улицам, всюду слышались приветствия толпящихся жителей. Член Об-ва, директор местного среднего учебного заведения, даже требовал, чтобы в этот праздничный день его ученики собирались около училища и, стоя правильными шпалерами по обе стороны улицы, кричали приветствия, пока мимо них не продефилируют все группы.

Этот день был также днем хорошей торговли для всех торговцев дичью, ибо, сказать по секрету, в ближайших местах (а далеко охотники и не ездили), не только совершенно не водилось крупных животных, но было затруднительно найти даже зайца, кролика или бекаса.

Выехав за город, наши герои, после сытного обеда и постоив все охотничьи рассказы, по звуку рожка расходились в разные стороны и уже лишь к вечеру возвращались поодиночке, с разных сторон города, с сумками, набитыми услужливыми хозяевами лавок до отказа всякой свежей дичиной.

Охотничий сезон в этом году еще не наступил, как вдруг члены «Об-ва любителей охоты» были встревожены необычайными, уже известными читателю событиями. Кроме газеты был получен целый ряд сообщений непосредственно и секретарем Об-ва о необычайном массовом появлении птиц и мелких, и крупных разнообразных пород животных, причиняющих вред фермерам.

Решено было мобилизовать все силы и, по просьбе Ок-ского синдиката, начать охоту ранее назначенного срока. Небывалое оживление охватило членов Об-ва. Уже обсуждались все подробности охотничьей экспедиции, вооружение, костюмы.

В разгаре споров внезапно было получено сообщение о появлении необычайного чудовища, напоминающего испанского медведя, но слухи шли и значительно далее. Это несколько озадачило Ок-ских приключенцев, но так как сообщение было слишком невероятно, а быть героем слишком заманчиво, все наперебой рисовали себя вступающими в единоборство с хищником глаз на глаз.

Всем было известно сообщение газет о мнении зоолога Римма о породе птиц, водившихся в окрестностях города, и профессор стал популярнейшей личностью. Когда поэтому профессор Римм сам явился на собрание Об-ва и изъявил желание участвовать в предполагаемой экспедиции, то его заявление было встречено шумом одобрения и тотчас же единогласно он был избран первым почетным членом Об-ва.

Решено было не откладывать поездки. Сроком был назначен следующий день.

8.

Пещерный медведь.

Согласно тщательно выработанному плану, охотничья поездка должна была занять несколько дней. Охотники направлялись

в округ графства В., откуда исходили тревожные слухи. По дороге они должны были сделать остановку милях в пяти от города и посвятить первый день охоте за мелкой, в изобилии теперь появившейся, дичью.

Не будем описывать торжественных проводов, устроенных гражданами Ок-да brave охотникам. Было уже за полдень, когда им удалось выбраться из города. Разместившись по 2-4 на деревенских тележках, запряженных свежими, крепкими лошадьми, члены «Об-ва любителей охоты» быстро двигались по не совсем еще просохшей весенней дороге.

Настроение было чрезвычайно приподнятое. Каждый заранее мнил себя героем ожидаемой охоты. Зоолог Римм ехал вместе с председателем Об-ва Дэвис-Дохерти, избранным предводителем. Уже недалеко от города стало заметно необычайное оживление на дымящихся, теплых, желтых еще от прошлогодней травы, лугах. То там, то здесь, вслугнутые шумом, несшимся с дороги, вспархивали отдельные птицы, путь перебегали маленькие зверьки, вдалеке на синевшем горизонте неслись большие стаи неизвестных птиц.

Несмотря на отделяющее их расстояние, зоолог то и дело привскакивал с места, открывая все новые и новые виды. Впрочем, у всех еще сильно шумело в голове от выпитого вина, чтобы они могли серьезно отнестись к возгласам профессора.

Спусти два часа охотники прибыли на ферму, лежащую несколько в стороне от дороги, где их встретил заранее извещенный хозяин. Отсюда должно было состояться первое выступление. Так как сейчас дело шло о мелкой дичи, решено было разойтись всем в разные стороны, чтобы лишь к заходу солнца опять всем вместе сойтись.

Первый день протек успешно. Изобилие дичи было таково, что всякий, умеющий держать ружье в руках, настрелял бы гораздо больше, только не наши охотники. Напичканные всякими правилами, поучениями и теориями для охотника, охоты и стрельбы, они долго раздумывали и совещались, прежде чем выстрелить, в то время, как дичь вылетала или выскакивала с шумом из-под ног. Все же результаты были таковы, что, вернувшись на ферму, охотники могли состряпать из убитой ими дичи великолепный ужин.

Следующий день они провели в поездке на дальний конец своей цели. Разошедшиеся в своих мечтах о «настоящей охоте» на тигров, львов и пантер, они, не доезжая до места своего назначения, были остановлены взволнованными рассказами крестьян о бродящем здесь чудовище. Судя по сообщениям, это было что-то вроде необыкновенных размеров медведя, с косматой шерстью, кинжаловидными когтями, злобного и свирепого.

Им показали только этой ночью распоротую корову. Ее труп, страшно изуродованный, с вывалившимися внутренностями, еще лежал там, где произошло нападение. Всего более странным казался тот факт,

что хищник совершенно не боялся человека и появлялся даже днем, на виду у всех.

Зоолог Римм поспешил осмотреть почву, думая найти отпечатки следов, но крестьяне так затоптали прилегающую местность, что это оказалось совершенно безнадежным.

Кто это мог быть? Сообщения крестьян были слишком неопределенны и фантастичны. Чем более члены «Об-ва любителей охоты» заслушивались того, что им передавали жители, тем более расхолаживались их охотничьи инстинкты. Дэвис-Дохерти собрал экстренный совет. Надо было устроить облаву на зверя. Крестьяне однако идти с ними и оказывать им помощь в самой охоте категорически отказались, ссылаясь на неимение оружия. Так они были напуганы.

Окинув всех своих товарищей горящим взглядом, председатель вдруг увидел вокруг себя множество бледных лиц, с плохо скрываемым испугом... После вялых, нерешительных предложений, решено было устроить в полумиле от деревни засаду с искусственной приманкой.

Однако, чем ближе дело было к вечеру, тем быстрее, под влиянием деревенских рассказов, падало настроение. Первым, ссылаясь на неотложную потребу в соборе, поспешил вернуться в город викарий Д. Вслед за ним заторопились, непрерывно поглядывая на часы, нотариус С. и хозяин гостиницы, — первый ссылаясь на нетерпение отлагательства дела с двумя клиентами, второй — на необходимость дать инструкции повару и прочей прислуге гостиницы относительно новых постояльцев.

Несмотря на все прилагаемые сверхчеловеческие усилия председателя Дэвиса-Дохерти, число остающихся быстро редело, и уже к концу дня из 19 человек оставалось только 7, считая и зоолога.

Молчаливый ответный блеск глаз, плотно сжатые бледные губы, красноречивее всяких слов свидетельствовали о героическом решении оставшихся докончить начатое дело. Растроганный Дэвис-Дохерти крепко пожал всем руки, и все отправились на место засады.

Крестьянин-подросток притаился на веревке блеющего и отчаянно сопротивляющегося козла и быстро удалился назад, опасливо поглядывая по сторонам. Место, где расположились охотники, представляло собой поляну с возвышающимися двумя тремя соснами, затем на некотором расстоянии шла мелкая поросль кустарника и небольших деревьев, переходящая затем в лес. Козел был привязан на длинной веревке, позволяющей ему свободно разгуливать по поляне.

Сами охотники должны были расположиться под соснами, но прежде решено было собрать хвороста для больших костров. Вскоре огромные горы сухого валежника возвышались кругом.

Несмотря на то, что солнце еще не садилось и было светло, Дэвис Дохерти ради

предосторожности велел развести большой огонь. Огромный костер в виде полукруга с оставленным промежутком для прохода, внутри которого засели с ружьями наготове охотники, запылал ярким пламенем, посылая в еще светлое небо тучи искр и клубы черного смолистого дыма.

Решено было разделиться на две смены, по три человека каждая, не считая самого председателя, который объявил категорическое намерение дежурить всю ночь. Один в каждой смене должен был следить за костром, двое других — быть на страже с винтовками.

Первая часть ночи прошла вполне благополучно. Незаметно дух охотников поднимался. Постепенно вновь развязались языки. Несмотря на установленный порядок смен, никто не спал. Лишь под самое утро первая смена растянулась в предрассветном холоде у пригревающего костра.

Зоолог, учитель математики и профессор истории древней Греции попали во вторую смену. Разговоры уже истощились. Дул холодный ветер. Зоолог, которому выпало следить за костром, подбросил в огонь большую охапку хвороста. Дэвис Дохерти вскарабкался на сосну, где устроил наблюдательный пункт. Под ним, сложив два здоровых сука верушками накрест и воткнув их в землю, учитель математики положил на этот самодельный прищел знаменитую винтовку для стрельбы по слонам и крокодилам и, прислонясь к дереву, принялся высчитывать в уме кубичный корень из 17 897 356.

Профессор истории, после тщетных попыток найти общую тему с зоологом, сел поодаль, погружившись в размышления о древнем Олимпе.

Товарищи первой смены сладко похрапывали у костра. Кругом стояла тишина. Незаметно дремота стала сковывать глаза стоящих на страже.

Одному лишь зоологу загадка хищника не давала покоя... Вдруг он увидел каким-то путем уцелевшие при их возне с костром отпечатки огромных лап, по виду медвежьих. Отпечаток был неясен, но далее ясно виднелись следы, уходящие к лесу.

После истории открытия ледникового гуся, он ничто не считал более невозможным. Оглянувшись по сторонам и на спавших товарищей, он осторожно вышел на поляну, но и там следы были отчасти затоптаны, но далее опять становилось как будто яснее. Римм вернулся для того, чтобы подбросить в костер топлива, и погрузился в изучение следов. Это были несомненно следы медведя с огромными заостренными когтями. Судя по глубине следа, можно было заключить об огромной тяжести и величине их обладателя.

Зоолог удалялся все далее и далее. Вот клок шерсти, приставший к кустарнику. Римм осторожно снял его и, тщательно рассмотрев, положил в записную книжку. Незаметно профессор очутился в лесу. Наступающее утро великолепно позволяло все видеть. На содранной коре дерева были

ясно видны следы когтей. Исполинские размеры особенно поразили профессора. Вот след бешеной злобы зверя,—вырванная с корнем елочка, сломанная и исковерканная. Необычайная догадка озарила зоолога. Он понял, что перед ним следы ни кого другого, как ужаса и угрозы первобытного человека,—«пещерного медведя». И в тот миг, как профессор вообразил себе картину встречи этого хищника с нашим предком, он увидел перед собой его.

Роскошное сновидение между тем озарило голову председателя. Дэвис Дохерти видел себя в Индии. Среди тропической природы джунглей, во главе пышной вереницы охотников, восседал он на слоне рядом с индусским раджей и величаво покачивался, готовый к встрече с бенгальским тигром. Вдруг сбоку, из зарослей бамбука, слышится предостерегающий шорох, слон настораживает уши, и в воздухе несется стальной броском огромное пестрое тело тигра. Слон сватывает хоботом хищника, Дэвис Дохерти вскидывает винтовку, но мелькающий живой клубок затрудняет верный прицел, и... он просыпается.

Все охотники, в том числе и часовеи, вместе с тихо прикурнувшим невдалеке козлом, сладко спали, похрапывая у погасшего костра, а впереди, среди мелкой заросли кустарника, отчаянно воля, неся зоолог. Зоолог, но в каком виде! Брюки висели клочьями, позволяя видеть нижнее белье тоже все в клочьях; на животе висела оборванная цепочка от часов, за профессором, бодаясь в воздухе, летел на резиновом шнурке котелок, а вслед за зоологом, четко вырисовываясь на предрассветном фоне деревьев своей исполинской грязно-бурой громадой, подняв кверху лапы с кинжаловидными когтями и сверкая маленькими, близко посаженными глазами, шел исполинский медведь.

Председатель хотел крикнуть, встревожить всех, но понял, что нужно действие решительное, молниеносное действие. В это время профессор добежал до погасшего костра и растянулся почти перед настигнутым его чудовищем. Еще поминуты промедления—и зоолога более не существовало бы. Дэвис Дохерти сделал быстрое движение слезть, и увы... сук дерева медленно стал подламываться, и председатель, сопровождаемый целым ворохом сухих сучьев, свалился прямо на голову учителя математики.

Момент, и последний спросонья дернул курок установленной на прицел винтовки. Пронеслись над головой упавшего зоолога, заряд угодил деликом в тушу медведя. Это спасло Римма.

Медведь взревел, попытлся назад, затем повернул к лесу и медленно заковылял, оставляя за собой кровавый след.

Охотники, разбуженные всем происшедшим, и со сна не понимая в чем дело, подняли беспорядочную стрельбу, козел жалобно блеял, зоолог продолжал еще вопить о помощи, председатель стонал на земле, вывихнув слегка ногу...

Спустя полчаса крестьяне были свидетелями героических результатов охоты. Медведь, очевидно, серьезно раненый, более не решился беспокоить деревню. Однако, о дальнейшем преследовании не могло быть и речи, так как вывих председателя Об-ва внушал опасения. Зоологу помогли переодеться и, сопровождаемые радостными кликами всей деревни, охотники покинули ее, направляясь в Ок-д. Римм перед отъездом захватил с собой тщательно срезанные пласты глинистой почвы, на которой отпечатались следы исполинского медведя.

9.

Тесрия профессора Шнейдерса.

Известие о возвращении охотников мгновенно облетело весь город. Слухи, переходя от одного жителя к другому, непрерывно росли, разукрашивались множеством вымышленных подробностей и принимали невероятный характер. Возвратившиеся охотники были героями дня. Вышедший экстренный выпуск вечерней газеты сообщал все детали необычайного приключения. Кроме того газета приводела интервью с профессором Риммом. Не оставалось ни малейшего сомнения, что дело идет о появлении давно исчезнувших видов, долженствующем взволновать и поколебать весь мир.

На следующий день утренний выпуск сообщал новую сенсацию: профессор Шнейдерс собирался сделать публичный доклад в «Обществе изучения физических и естественных наук», где обещал дать исчерпывающую теорию необыкновенных явлений.

Все эти сообщения взволновали весь город и еще задолго до начала огромная толпа осаждала здание общества. Негодованию мистера Брукса не было предела. Однако, он поспешил очутиться в ряду присутствующих.

Стрелка часов показывала ровно восемь, нетерпение в зале достигло высшего предела. Наконец, президиум общества занял свои места. Встреченный громом аплодисментов, профессор Шнейдерс начал говорить.

Слегка коснувшись взглядов прошлого на природу космоса, он перешел к новым воззрениям. Обрисовал прогресс современного знания и остановился на «неевклидовой» геометрии, новой математике многомерного пространства. Уяснив ее смысл, он перешел затем к теории Эйнштейна, ее опытным подтверждением и остановился на событиях, происходящих в окрестностях Ок-да. Во время его речи стояла глубокая тишина. Один лишь Брукс едва сдерживался, готовый прервать своего противника выпадом раздражения.

Профессор говорил между тем:

...Представьте себе, мы имеем геометрическую точку. Эта точка идеальна, т. е. не имеет никакого измерения. Предположим, что эта точка движется и оставляет след за собою; мы имеем тогда прямую линию. Прямая линия имеет одно измерение—ее длину.

Предположим далее, что эта линия двигается перпендикулярно самой себе, мы тогда будем иметь оставленный ею след — геометрическую плоскость. Плоскость имеет уже два измерения — ширину и длину.

Еще далее предположим, что и эта идеальная плоскость совершает движение также перпендикулярно сама себе. Мы уже будем иметь пространство с его тремя измерениями — длиной, шириной и высотой.

Ну, а далее — мы условились брать идеальные геометрические тела — далее мы можем предположить, что и трехмерное пространство может двигаться, так сказать, перпендикулярно само себе, оставляя свой след уже четырехмерного протяжения геометрического тела.

Это кажется сначала весьма странным, но вот простой показательный пример. Мы имеем две линии. Одну из них условимся считать B — неподвижной, другую же — будем около одной из точек O — вращать. Как вполне понятно, эти линии пересекутся. Мы можем даже сделать чертеж. Вот линии AB , вот $A'B'$. AB оставим неизменной, а $A'B'$ поворачиваем около точки O , но таким образом, что AB все более и более приближается, чтобы стать параллельной $A'B'$. И вот, мы видим, что вместе с этим точка пересечения, назовем ее M , сначала помещается на доске, затем отходит вбок, вот уже она будет где-то далеко на стене; я поворачиваю еще, и точка M отойдет куда-то на улицу, в город, на-

конец, за город.
Чем более и более становится параллельною AB линии $A'B'$, тем дальше и дальше отходит

Председатель свалился на голову учителя математики. Тот спросонья дернул курок винтовки.

пересечение М. При очень малой разнице от параллельности, точка М будет лежать где то вне пределов Земли, наконец, вне пределов солнечной системы, даже в других звездных системах. Наконец, мы сделаем, А В и А В совершенно параллельными. Где же они пересекутся? Мы говорим, что направление линии пересекается в бесконечности. Вполне, я думаю, ясно для всех, это видно из примера, что это возможно, если пространство само по себе — замкнутое тело! Пространство имеет кривизну!...

...Для первого взгляда, вернее — для непривычного взгляда, — это не вяжется как будто с общепринятыми представлениями. Но напомним вам следующее. Вы все, конечно, изучали геометрию, где имели дело с известными прямыми линиями, фигурами. Природа же не знает таких! В природе нет прямых линий, нет идеально ровных плоскостей. То, что мы принимаем за таковые, лишь кажущееся. Положим, мы взяли очень ровный лист бумаги и начертали на нем ряд прямых отрезков. Действительно ли они таковы? Конечно, нет. Сама поверхность Земли круглая, и лежащая на ней бумага также имеет совершенно незаметный изгиб, изгиб поверхности земного шара!.. Следовательно, и ваш чертеж вогнутый!!

Два математика, первые, независимо друг от друга, разработали так называемую «неэвклидову геометрию», — их имена — Лобачевский и Риман, вслед за ними множество других: Бальяи, Боллай и прочие. Я не буду здесь останавливаться на ней, скажу лишь, что, усомнившись в кажущихся самоочевидных геометрических истинах, математики путем сложных построений вывели новую геометрию, — геометрию многомерных пространств.

Укажу, что «Эвклидова» геометрия, всем вам известная, у них является лишь частным случаем, где пространство принимается за трехмерное.

Вначале большинству это казалось лишь жуткой «забавой для ума». Но вот многие явления физики, явления магнетизма, электричества потребовали для своего объяснения допущения четырехмерного протяжения. Таковы гипотезы об электромагнитных волнах и вихрях. Однако, все это были лишь гипотезы. Но вот Эйнштейн создает на одном весьма простом физическом факте, именно на невозможности обнаружить абсолютное движение Земли через предпола-

Зоолог удирал от испанского пещерного медведя.

гаемый эфир, (сопоставимый с абсолютным пространством) свою «теорию относительности»...

Выводы ее таковы, что, допуская время одним из измерений, получаем вместо прежнего «становления вещей» единое «Бытие». Прошлое, настоящее, будущее, если можно так сказать, выражаясь условно, существует вечно, постоянно.

На опытных данных последнего времени по отношению света, он получает полное подтверждение своей теории о предполагаемой кривизне пространства.

Принимая найденную среднюю кривизну, Эйнштейн отсюда вычисляет размеры всей вселенной.

Таким образом вселенная является своего рода 4-мерным континуумом, находящимся в 5-м пространстве. Приняв время за 4-ю координату, мы превращаем физику не во что иное, как геометрию движения. Геометрия — это статика точек... профессор Шнейдерс остановился немного, затем начал далее:

«Геология знает на Земле огромные катастрофы, целые острова, материки исчезали в волнах океана. Океаны меняли свои места. Земная кора подвергалась гигантским катаклизмам.

Астрономия наблюдает еще более великие гигантские события. Целые солнечные миры возникают на глазах вселенной. Наблюдали возгорание новых звезд, происходившее или от грандиозного столкновения двух солнц,

или от радиоактивного взрыва элементов, их составляющих...

Взгляд, что все вечно во вселенной и постоянно, принадлежит прошлому. Энергию порождает материя, материя, как дали последние открытия Нернста, превращается, например, в верхних частях атмосферы Солнца—в энергию...

Почему бы, я задаю вопрос вам: почему?! и самому пространству не испытать частично катастрофу?!

События последних дней с неопровержимой очевидностью показали нам,—если не допускать сверхъестественного чуда, во что, я думаю, никто из вас не верит,—что в окрестностях Ок-да появилось множество животных, принадлежащих прошлому Земли. Ни о каких переселениях животных из других мест не может быть и речи по той простой причине, что эти виды на поверхности Земли не существуют более 500.000.000 лет. Единственно, откуда они могли взяться—это другие точки временного протяжения.

Повидимому, в пространстве случилась катастрофа. Возможно, что явление носит ограниченный, местный характер и протекает лишь у нас, так сказать, в одной точке протяжений.

Я уже вам показал, что можно мыслить геометрические контуры, как одномерные, так и трехмерные, в отдельности. Следовательно, четырехмерный контур Бытия, вследствие неизвестных причин, «где-то распался», и одномерный контур времени в точках «прошлого», пересек трехмерный контур реальностей, материи.

Бесилотные образы прошлого во времени, появив в пересечение с пространственной протяженностью, стали материальны, осязаемы, стали настоящим! Вот моя точка зрения на происходящие события.

Профессор Шнейдерс кончил.

Громоподобный, несмолкаемый взрыв аплодисментов раздался в зале. В течение 10—15 минут ничего нельзя было ни сказать, ни сделать из-за оваций теснящейся толпы.

Профессор Шнейдерс стоял, не в силах сойти с кафедры, вследствие непрерывного, напоминающего морской прилив, движения к нему.

10.

Проф. Брукс и проф. Шнейдерс.

— Чужы! Чужы! Ахинея! Дикая, несуразная, абсурдная фантазия! Бред помешанного, сумасшедшего!—раздался, покрывая гром оваций, голос профессора Брукса.

Не теория, а бред идиота, кретина!—продолжал орать Брукс, покрывая негодующий рев, свистки, неодобрительные выкрики, шиканье толпы по его адресу и, не взирая ни на что, взмог и стал рядом с Шнейдерсом...

— Многоуважаемые мистрисс и мистеры! Только сейчас я, присутствуя здесь, мог убедиться, как некий, по чрезвычайно

недоразумению, имеющий звание ученого Великого Знания Точных Наук, математики и физики, на самом же деле ни что иное, как шарлатан, имел возможность беспрятственно здесь, перед гражданами, моими соотечественниками, свободными подданными великого государства Великобритании, одурачить всех дикими бредовыми идеями.

К сожалению, недостаточность требуемой в данном случае большой математической подготовки, позволила без труда убедить вас всех принять дикие, нелепые сказки за научные доктрины...

Галлюцинация какой-то мистрисс Хоу послужила ловкому корреспонденту материалом дать сообщение в газету для жадной на самые необычайные сенсации, непритязательной толпы. В погоне за увеличением тиража, газета не задумалась раздуть слухи, пущенные умелой рукой.

К величайшему и горестному сожалению, в этом вопросе оказался замешанным и наш старый профессор, зоолог Римм. Усиленные занятия расшатали здоровье профессора и позволили ему стать жертвой массовой галлюцинации. Факт появления медведя объясняется весьма просто: последний мог бежать из зверинца бродячей труппы циркачей... В данном случае, я стараюсь объяснить дело более или менее просто, но возможно, что оно обстоит иначе, и даже скорее, что все происходящее здесь является делом сторонников нежда Шнейдерса, противника установленных в Ок-ском университете порядков, т. е. делом партии «нежда», позвольте подчеркнуть это слово, потому что Шнейдерс—германский подданный!!!

Буря, шум пронеслись в зале. Брань, свистки, шиканье, хлопки, стук ногами, трескотня стульев об пол, ругательства достигли своего апогея. В зале оказались среди присутствующих сторонники двух враждующих партий. Вверх летели котелки, цилиндры, трости, страшные слова, угрозы. Момент—и в зале началась потасовка.

Напрасно президиум общества старался навести порядок, напрасно председатель стучал, звонил, кричал... Все было напрасно.

Потребовалось бы вмешательство полиции, когда председателю пришла гениальная мысль. Сложив руки рупором, вскочив на стол, он обратился к обоим профессорам, стоящим за кольцом своих сторонников и мечущим молниеносные, уничтожающие взгляды:

— Предлагаю ради науки, ради установления Великой Истины, отправиться лично уважаемым профессорам, мистеру Бруксу и мистеру Шнейдерсу, обоим, на место удивительных происшествий в округе графства Б и самим удостовериться в правдивости или лживости газетных сообщений! Тем самым тот или иной признает свою ошибку и публично должен будет принести извинение перед другим! Сейчас же предлагаю временно вспомнить о науке, соединяющей всех великих ее служителей, и полать друг другу руку примирения!..

Брукс и Шнейдерс взошли оба на кафедру. В зале водарился постепенне порядок.

Председатель подошел к обоям и, взяв их руки, вложил одну в другую.

— Завтра два доблестных ученых отправляются ради великой цели, подвергая свои жизни опасностям, в место появления хищников и прочих удивительных явлений. Вы уже слышали о том, что пришлось перенести нашим согражданам, членам «Общества любителей охоты». Теперь же два мирных исследователя, горя великим огнем установления правильного научного мировоззрения, бесстрашно едут, не взирая ни на что, туда же, чтобы внести новую славную страницу в Великую Книгу Знания и тем прославить еще более наш знаменитый университет и город! Да здравствуют оба профессора, Брукс и Шнейдерс!!

Позабыв только что происшедшую потасовку, граждане Ок-да подхватили с криками «ура» обоих профессоров и вынесли их на улицу.

II.

Беженцы.

Еще до восхода солнца, чтобы избежать лишних проводов, профессор Брукс и Шнейдерс выехали за город. Серый автомобиль гоночного типа профессора Шнейдерса, — последний был большим спортсменом, — легко шел по хорошо укатанному, тянувшемуся ровной лентой, шоссе.

Под впечатлением быстрой езды оба, отдавшись охватившему их настроению радостного весеннего утра, молча созерцали величественный восход солнца. Ничто не напоминало им о цели поездки.

Уже зеленеющие луга быстро мелькали, расходясь по обе стороны от мчащейся машины. Из-под колес то и дело вылетали целые стаи усевшихся на дороге птиц.

Спустя некоторое время, они свернули на проселочную дорогу. Минуты через четыре они въехали в лежащую по дороге деревню. Обоих сразу удивило дарившее в ней возбуждение. У домов стояли телеги, уложенные домашним скарбом, по улице преграждали им путь целые вереницы запряженных лошадей, стада коров, овец, свиней и других животных.

Машину окружили жители, забросав рядом вопросов о какой-то опасности. Оба профессора с трудом могли понять в чем дело. Уяснив, что приезжие сами ничего не знают, им сказали, что, по слухам, из ближайших сел появились гигантские горноподобные чудовища, ломающие и топчущие все встречающееся. Уже разрушено несколько деревень, жители их частью убиты, частью разбежались, побросав все.

Шнейдерс многозначительно поглядел на Брукса. Жители здешней деревни, по примеру соседних, собрав все, что можно, готовились уходить. Задав несколько вопросов о направлении, откуда шли слухи о появлении гигантских чудовищ, Шнейдерс, с трудом проехав деревню, дал машине возможно большую скорость. Однако, условия дороги не позволяли машине ехать быстро. Спустя полчаса они прибыли в следующую де-

ревню. Она оказалась пуста. Все указывало на неожиданное бегство и ужас крестьян. Наугад пустив машину, они миновали несколько недалекие лежащих отдельных ферм, и потом неожиданно въехали в еще спокойное село. Их вопросы вызвали только изумление, а вслед затем и тревогу.

Оставив село, автомобиль понесся далее, завернув сильно вправо. Проколевшись по беспорядочно пересекающимся дорогам, они опять въехали на шоссе, идущее в местечко Т. Почти тотчас же им стали попадаться как отдельные повозки, так и обозы жителей мелких поселков, бегущих со своим скарбом в город. Возбужденные, панически настроенные жители не обращали ни малейшего внимания на шедший им навстречу автомобиль. В воздухе стояли крики, шум, восклицания торопящихся двигаться, как можно быстрее. Попадались и отдельные пешие люди с узелками за плечами. Оказалось, что поток беженцев движется еще с ночи, направляясь частью в Ок-д, частью на ближайшую станцию железной дороги.

Услыш возможно скорость, Шнейдерс и Брукс миновали бегущих. Впереди расстилалась пустынная даль, позади скрывались в облаках пыли окрестные беженцы.

12.

Брукс и Шнейдерс удирают на гоночном автомобиле от взбешенного стада мамонтов.

Оба профессора обменивались односложными замечаниями. Неожиданно небо затянулось густой пеленой облаков, закрывших и солнце. Подул ветер, в воздухе стала чувствоваться приближающаяся гроза. Показались мрачные, черные тучи, посыпались раскаты грома первой весенней грозы и хлынул сильный ливень.

Остановив автомобиль, Шнейдерс поднял брезентовый верх. Однако новые потоки дождя при ветре забрасывали капли воды за воротники, затуманивали стекла впереди, и вскоре шоссе обратилось в месиво грязи.

Из-за дождевой завесы вынырнул встречный кабриолет. Все время погоня и без того взмыленных лошадей, на передке сидел пастор Л. из местечка Т. Узнав знакомого ему профессора Брукса, он приостановил экипаж и, отчаянно махая руками, крикнул, чтобы они возвращались назад. Огромный, исполинский гигант, вышедший из самого ада... сейчас там, в местечке Т. Не дождавсь ответа, пастор принялся бешено нахлестывать лошадей и скрылся, подпрыгивая и покачиваясь на неровностях размокшей дороги.

Брукс, приблизив губы к уху Шнейдерса, крикнул только: «вперед!».

Наконец они достигли местечка Т., отмеченного корреспондентом «Нашей Газеты».

Они въехали на одну из трех улиц. Оставив машину, они думали порасспросить сначала у местных крестьян, но первый дождь, как и следующие, оказался пуст.

Жители, повидимому, бросили все неожиданно, разбежавшись в разные стороны. Шнейдерс предложил переждать дождь и грозу в одном из домов. Однако, дождь и не думал переставать. Вода потоками стекала с обеих холмов. Брукс, не задумываясь, растопил камин приготовленным, наверное, как раз для топки углем. Веселый огонек загорелся, бросая тепло. Сняв верхнюю одежду, они подсади к огню. Вскипятив кофе, они позавтракали брошенным на столе сыром, ветчиной, маслом и хлебом.

Оригинальность обстановки расположила их к беседе.

— Что вы теперь думаете обо всем этом?—первым задал вопрос Шнейдерс.

— То же, что и раньше. Я более чем уверен, что это ни что иное, как массовая галлюцинация. История знает такие вещи, в роде морских змеев, драконов...

Страшный треск в соседнем доме не дал ему закончить фразы. Глазам выскочивших на улицу профессоров представилась казавшаяся из-за дождя еще большей туша мамонта. (*Elephas primigenius*). Животное в бешеной злобе разносило постройку. Маленькие черные глазки злобно поблескивали. Огромные веерообразные уши нервно вздрагивали. Стоя на своих бревнообразных

ногах, покрытый длинными космами шерсти, спадающими до земли, с загигающими сажеными клыками, он с урчанием хоботом разбрасывал крышу дома... Вслед за ним из-за покрова дождя вынырнули еще две исполинские фигуры.

Даже Шнейдерс не ожидал этого. Оба продолжали сидеть, широко расставив ноги и раскрыв рты. Они не верили своим глазам.

Неожиданно профессор Брукс снял свои очки, для чего-то положил их в карман и направился к мамонтам.

Первым опомнился профессор Шнейдерс.

— Вы с ума сошли?!

— Нет, я хочу его потрогать—это галлюцинация!

Между тем животное заметило их. Удивительная фигура вся в черном, с головой, оканчивающейся черной трубой, блестящей от дождя, видимо озадачила даже мамонта.

Но это продолжалось недолго. Момент,—и, подняв хобот, он затрубил и бросился на нового противника.

Отличавшийся силой Шнейдерс схватил поперек тела брыкающегося профессора

и юркнул с ним обратно под крышу, выбежав с другой стороны. Момент... и грохот разрушаемого дома показал им, что они во время выбежали из него.

Втиснув Брукса в автомобиль, Шнейдерс быстро завел машину и, вскочив сам, с большой скоростью пустил ее.

Мамонт, видя, что противники его уходят столь странным образом, огласил окрестность паровозобразным ревом и, подняв хобот вверх, загалопил за автомобилем. Вскоре за ним оказалось целое стадо.

Картина была удивительная. Грозовое мрачное небо, непрерывные вспышки молнии и раскаты грома, окрестность в пелене дождя, мчащаяся со скоростью шестидесяти миль в час гоночная машина, управляемая Шнейдерсом, сзади сидящий и держащий обеими руками свой цилиндр Брукс во фраке... И вслед за автомобилем, вереницей, тринадцать туш доисторических мамонтов, мчащихся, как экспресс.

мобиль подбрасывало на крутых поворотах, уклонах. Впереди показался шлагбаум, к счастью открытый. Железнодорожный сторож, вышедший на шум, в ужасе захлопнул дверь будки, когда перед ним, как в сказке из 1001 ночи, промчался бешено несущийся автомобиль, а вслед за ним тринадцать один за другим галопирующих фантастических чудовищ...

Вдруг дождь перестал, как и сразу начался. Ветер расчистил небо и солнце осветило окружающую местность.

Вдалеке, на противоположной стороне, виднелся Ок-д. Неизвестно почему, издав трубные звуки, мамонты неожиданно остановились. Возможно, что непривычный вид города испугал их. И так же быстро, как они мчались за автомобилем, они скрылись обратно вдаль, уходя от города.

13.

Тревожное положение.

На следующее утро Брукс встал с сильной головной болью, в подавленном, тяжелом настроении. После испытанного приключения он был потрясен гибелью своей веры в непоколебимость всего здания науки, ради которой он жил, которой отдал всю

свою жизнь, труд, силы.

Все в городе уже знали о происшедшем с ними, но уже было не до сенсаций. На улицах, площадях расположились сотни беженцев, — крестьян, фермеров. Две гостиницы да вно уже были переполнены до отказа, как и все свободные комнаты. А беженцы все прибывали.

На улицах горели костры, расположились телеги со скарбом, пожитками, домашней утварью, которую

Недавние враги удирали на гоночном автомобиле от взбешенного стада доисторических мамонтов.

Шнейдерс перепутал дорогу, и автомобиль несся в противоположную сторону... За завесой ливня разобрать направление было трудно. То и дело авто-

Предстал с дубиной перво-
бытный человек...

городского совета экстренно обсуждали меры безопасности от нападения диких зверей. Должны были быть созданы добровольческие вооруженные дружины.

К экономке Джеральдс зашла ее возмущенная соседка Стоу.

— Я не понимаю, что думает синдик города и начальник полиции, допуская вывешивать такие глупые воззвания. Неужели мой муж должен брать ружье, чтобы стрелять в каких-то пришедших из прошлого чудовищ?! К чему у нас английские законы? Для чего же стоит на углу полисмен?.. Во всяком случае, моя милая мисс Джеральдс, я не должна пускать своего мужа и заранее дала полисмену на чай и сказала, чтобы в случае чего он при первой же опасности спешил к нам!..

Между тем часть жителей, главным образом студентов и прибывших фермеров, вооружилась имеющимся оружием и чем попало. По улицам и на заставах города установили вооруженные пикеты. Окраинные дома забаррикадировались, вокруг города рыли насыпь со рвом, усеянным острыми колючими. На улицах, идущих от застав, сооружались баррикады.

Мистер Брукс остановился на улице, беседа с синдиком города, когда к ним подошел вспотевший от ходьбы, с смятой шапкой толстяк, местный начальник полиции.

— Вот смотрите!—и он, весь красный от злости, показал им скомканное в руке

сумели или успели захватить.

Опасность могла угрожать самому городу, и члены

письмо.—Смотрите, хорош ответ, как вам нравится!—и, непрестанно откашливаясь и останавливаясь, он принялся читать:

«Уважаемый, дрожащий тесть, благодарите всевышнего, что ваша телеграмма не попала по своему назначению, в руки шефа, иначе бы вам не пришлось более пребывать на вашем посту начальника полиции города Ок-да.

На ваше счастье, я как раз дежурил по управлению, когда была доставлена эта злосчастная телеграмма с ее удивительным сообщением. Советую вам впредь быть более воздержанным в употреблении крепких напитков и более внимательным к исполнению своих обязанностей. А самое нужное, что можно вам посоветовать, это хорошенько проспать после изрядной, надо полагать, выпивки (это все между нами). Жалею, что сам не мог участвовать и кутнуть вместе с вами! Ваша телеграмма была мною прочитана и разогнана надолго сон во время дежурства. Я сам лично видел не раз зеленых чертей, но до пещерных медведей и мамонтов еще не дошел! То же самое и наш здешний лихой парень по части выпивки, Джон Брант...

Телеграмму, конечно, уничтожил. Остаток и впредь вашим любящим другом. Ваш зять».

И, пустив по адресу любящего друга проклятие, начальник полиции удалился на телеграф, где дал одну за другой две телеграммы с просьбой об экстренной помощи.

14.

Первобытный человек на улицах города Ок-да и...

В ответ на новую телеграмму начальника полиции в Лондон, сначала последовал ответ, состоящий из ряда междометий, выражающих степень удивления и вопросы, затем второй: «Получили, шлем войска с артиллерией. Лондонское центральное управление полицией Великобритании».

Однако с ближайшим поездом (город находится в стороне от железной дороги) явилась лишь армия репортеров и фотографов центральной прессы. Ок-д стал центром внимания мира.

В это время на окраине города стояли двое известных уже нам—зоолог Римм и председатель «О-ва любителей охоты», подружившиеся со времени приключения с пещерным медведем.

Неожиданно взгляд Дэвиса-Дохерти заметил на горизонте странные движущиеся точки. Фигуры стали ближе и, наконец, можно было рассмотреть ужасную картину. Двигаясь частью бегом, частью скачками, приседая, опускаясь иногда на руки,—полупокрытые мелкой шерстью мужичины, вооруженные дубинами, каменными топорами, женщины, навьюченные пожитками, с грудными детьми за спиной, со спадающими космами волосами, одетые в звериные шкуры, сопровождаемые детьми, бегущими за ними—племя первобытных людей—быстро приближалось к ним.

Повидимому, неизвестная опасность угрожала им и заставляла их торопиться. Отдельные люди приостанавливались и оглядывались, оглашая воздух дикими криками, затем все вновь спешили вперед.

Зоолог и председатель «О-ва любителей охоты» с трепетом волнения рассматривали пришельцев из далекого прошлого.

— Я полагаю, они относятся к типу, стоящему промежуточно между так называемым Тринильским *Pithecanthropus erectus*, т. е. прямо стоящим обезьяно-человеком и Неандертальским ледниковым человеком,—заметил Римм.

Между тем первобытные люди были совсем близко, приближаясь с угрожающими криками.

Дэвис-Дохерти взял на придел винтовку, намереваясь уложить первых из них.

— Не стреляйте, ведь это же человек!.. — и подтолкнутый рукой зоолога выстрел прозвучал мимо.

— Ну, тогда удирайте! — и председатель, а вслед за ним зоолог пустились наутек...

Первобытные люди, пораженные громом, сначала остановились, но видя, что это не приносит вреда, устремились вперед.

Дом профессора Брука расположен был почти на окраине. Мистер Брук готовился как раз приняться за обед, когда внизу, в дверь, раздался сильный удар. Недовольный, что его отрывают от еды, профессор попросил мисс Джеральде отпереть дверь. Но страшный треск разбиваемой двери заставил ее остаться у стола. И неожиданно перед Бруком и его экономкой, во всем своем величии, полуприкрытый звериной шкурой, с дубиной в руке предстал первобытный человек.

Слова вместе с куском непроглоченной еды застряли в горле у профессора. Мисс Джеральде, вся красная, закрыв лицо руками, могла только сказать: «но он же почти совсем не одет!».

А праотец праотцев человечества и славной английской расы поднял дубину и обрушил ее с радостным воем на голову профессора.

15.

...пробуждение мистера Брука.

...Весь в холодном поту Брук проснулся у себя на кровати. Лучи утреннего солнца освещали комнату. Перед ним стояла испуганная экономка, тщетно стараясь заставить профессора очнуться от сна.

С удивлением, медленно приходя в себя, профессор оглянулся вокруг. Среди разбросанных подушек, опрокинутого столика, на полу валялся смятый выпуск вчераш-

ней вечерней газеты, помеченной 31-го марта, с заметкой: «О необычайных событиях на ферме мистрисс Хоу».

Привстав, Брук стал медленно одеваться. В памяти еще вставали сцены пережитого сновидения. В поданной ему мисс Джеральде утренней «Нашей Газете» красовалось:

«Поздравляем наших читателей с первым апрелем, и просим извинения за помещенную вчера вечером шутилиую заметку об удивительном выпадении птиц и появлении чудовищ на ферме мистрисс Хоу».

Мисс Джеральде, вся красная, закрыла лицо руками: — но он же совсем не одет!..

„МНОГОМЕРНОСТИ“ И „КРИВИЗНЫ“ ПРОСТРАНСТВА

Научное послесловие к рассказу «Катастрофа пространства».
НИКОЛАЯ МОРОЗОВА (Шлиссельбуржца), директора Научного Института
имени Лесгафта.

На-днях редактор «Мира Приключений» дал мне на рассмотрение и заключение рассказ С. Красновского «Катастрофа пространства». Взяв его сначала с некоторым недоверием, я, просмотрев до конца, убедился в его большой поучительности.

Уже не раз мне приходилось писать по вопросу о четырехмерном пространстве, о пространственных кривизнах и о принципе относительности Эйнштейна. Мне приходилось уже показывать, что, допустив недоступное для нас четвертое измерение пространства, мы не имели бы никаких оснований отвергать пятое, а допустив пятое—отвергать шестое и т. д. без конца. Об этом я говорил и в своих книжках: «На границе неведомого» и «Принцип относительности в природе и математике», и в специальной статье «О недосмотре междуволнового давления света при математическом обосновании принципа относительности Эйнштейна», помещенной во II томе «Известий Государственного Научного Института им. Лесгафта».

Я доказывал в этих статьях, что ни одна из действующих во вселенной центральных физических сил не могла бы распространяться тогда по тем законам, какие мы обнаруживаем теперь в природе, а распространялась бы по совершенно другим, например: сила тяготения ослабевала бы в пространстве четырех измерений пропорционально кубам а не квадратам расстояния; в пространстве пяти измерений пропорционально четвертой степени расстояний и т. д., и т. д.

Отсюда ясно, что ни одна из сил природы, доступных нашему наблюдению и изучению, не приходит к нам из пространств высшего числа измерений и сама не распространяется в них.

Да и в случае простой кривизны трехмерного пространства произошел бы полный беспорядок во времени событий, так что существа прошлых времен постоянно появлялись бы между нами, и весь окружающий мир был бы для нас миром непрекращающихся чудес.

Вот почему, не касаясь литературной стороны рассказа Красновского и не приходя подобно выведенному здесь профессору Бруксу в гнев по поводу принципа относительности Эйнштейна, я скажу только одно. Все то, что тут описано в виде «шутки первого апреля», ежеминутно случалось бы на каждом шагу между нами, если бы все эти «многомерности» и «кривизны» вселенского пространства не были простыми продуктами нашего воображения, постольку же имеющими общего с современным естествознанием, как и все остальные чисто фантастические рассказы. Если автор задавался этой целью, то он вполне ее достиг.

НИКОЛАЙ МОРОЗОВ.